

И МАСТЕРСТВО, И ВДОХНОВЕНИЕ

Творчеству молодой балерины Свердловского Академического театра оперы и балета Елены Гускиной, кажется, подвластно раскрытие самых сложных человеческих судеб и характеров.

Одухотворенная, словно вытканная из тончайших чувств и эмоций, акварельная в полутонах своего танца Жизель и озорная, своенравная, ошеломляющая каскадом виртуозных вариаций Китри в «Дон-Кихоте» соседствуют в творчестве балерины с академической строгостью классических форм согретого светлым мироощущением танца Авроры и демоническим характером повелительницы зла — феи Карабос в «Спящей красавице».

Яркий хореографический почерк балерины — следствие страстной сценической самоотдачи актрисы, наделяющей созданные ее образы живой притягательной силой.

Определить ее амплуа, пожалуй, трудно. Она постоянно озадачивает! Увидев ее романтическую, проникаешься убеждением, что творчеству балерины наиболее близки именно лирико-романтические партии, но она тут же опровергает сложившееся как будто представление.

Одной из наиболее интересных, этапных работ в творчестве Е. Гускиной стал образ Клеопатры в балете Э. Лазарева «Антоний и Клеопатра». Балерина совместно с постановщиком этого спектакля С. Дречиной сознательно отказалась от тривиальной трактовки образа Клеопатры. Трагедия яркой и сильной человеческой личности, обреченной из-за сложившихся обстоятельств, — вот что стремится передать балерина.

Сложная, порой изощренная, наполненная острыми, ломкими линиями, хореографическая лексика этой партии, лишенная во многом академических канонов классического танца, невольно заставляет ощутить всю сложность высоких требований, предъявляемых современной хореографией к артистам балета.

Малейшее отсутствие внутренней наполненности, четких психологических мотивировок в сценической жизни образа чревато в подобной хореографии превращением танцевального языка из высокохудожественных откровений в сложную, мало кому понятную пластику-танцевальную шараду.

Гускина счастливо избегает этого.

Клеопатра у нее мудра и наблюдательна. Стоит вспомнить, с каким вниманием она изучает впечатление, производимое на Антония ее придворными танцовщицами. С тонким расчетом опытного дипломата бросает она на чашу весов силу своих женских чар. Пластика балерины наполнена у нее в этой сцене не томной размягченностью, а властностью, заставляющей Антония принять дар ее загадочной любви.

Волевой порыв ее наполненного отчаянием и тоской танца поражает своим огромным эмоциональным накалом.

Яркость, удивительное своеобразие — вот что отличает Елену Гускину. Не щадить себя в творчестве — ее девиз.

К. МЕДВЕДЕВ.

На сцену, Свердловск, 1970, 26 ноября